

Из когорты первых: Юй Сюсун

© 2019

И.Н. Сотникова

В статье представлен анализ политической биографии одного из создателей Коммунистической партии Китая Юй Сюсуна (1899–1939), получившего образование в коммунистических вузах Москвы и прожившего в Советской России около 10 лет. Основные вехи биографии Юй Сюсуна рассматриваются в связи с этапами внутривосточной борьбы в ВКП(б) на основе архивных материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Ключевые слова: Юй Сюсун, КПК, Университет им. Сунь Ятсена, Международная ленинская школа, троцкизм.

DOI: 10.31857/S013128120007508-9

В 2019 г. исполнилось 120 лет со дня рождения китайского революционера Юй Сюсуна. Биография его достаточно изучена, однако есть моменты, которые хотелось бы уточнить. Вспомним основные вехи его политической биографии.

Родился Юй Сюсун 1 августа 1899 г. в деревне Сиди уезда Учжэнь г. Чжунцзи провинции Чжэцзян. После окончания в 1915 г. начальной школы в своем уезде он поступил в педагогическую школу в г. Ханчжоу. В 1919 г. с группой товарищей Юй пытался создать организацию, лозунгом которой является «Кто не работает, тот не ест». Эта группа стала основой студенческого «Движения 4 мая» в Ханчжоу и движения «За новую культуру». В 1919–1920 гг. он состоял в партии анархистов, а в начале 1920 г. присоединился к пекинской группе взаимной помощи трудового обучения. Одновременно с этим он посещал факультет философии Пекинского университета. Затем переехал в Шанхай, принимал участие в редакционной работе радикальных изданий¹. О партийно-политической работе в Китае в одной из автобиографий Юй писал: «Октябрьская революция пробудила китайский народ. Когда я учился в средней школе, вместе со своими товарищами организовал ряд организаций для изучения марксизма. В 1920 г. я поступил на завод² с целью проведения пропаганды среди рабочих и организовал ряд профсоюзов... Одновременно мы организовали ряд других организаций: клуб шанхайских рабочих-печатников, отдельно клуб металлистов, полуденную школу рабочих подростков...»³.

Юй Сюсун сыграл важную роль в создании Компартии Китая. В подпольной работе он был известен под псевдонимом Шоу Сун. В марте 1920 г., когда в Китай приехала группа Г.Н. Войтинского, Юй Сюсун активно включился в работу по созданию коммунистических кружков в Шанхае и Ханчжоу. Предполагалось объединить демократические издания «Синь циннянь», «Синци пинлунь» и «Шиши синьбао» и на их основе создать новую революционную организацию. За перевод партийной литературы в 1920 г. Юй подвергся короткому аресту.

Сотникова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sotnikova.irina@gmail.com.

Известно, что за год до I (Учредительного) съезда КПК Чэнь Дусю, Юй Сюйсун, Ли Ханьцзюнь, Чэнь Гунпэй и другие организовали в Шанхае Социалистическую партию, впоследствии получившую название Шанхайской коммунистической группы⁴. Кроме того, в августе 1920 г. Юй Сюсун участвовал в создании шанхайского Социалистического союза молодежи (ССМ). Для руководства деятельностью Союза был образован Президиум в составе 4 человек во главе с Юй Сюсуном⁵. Члены шанхайской молодежной организации, в том числе Юй Сюсун, приняли активное участие в создании в октябре 1920 г. организации ССМ в Ханчжоу. По этой работе Юй Сюсун был непосредственно связан не только с Г.Н. Войтинским, но и представителем Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) в Китае С.А. Далиным⁶, о чем впоследствии он указывал в автобиографии. При участии представителя группы Г.Н. Войтинского Ян Минчжая и при содействии Юй Сюсуна в Шанхае был основан Институт иностранных языков. По сообщению Бао Хуэйсэна, в начале 1921 г. в Шанхае были созданы Профсоюзная комиссия во главе с Юй Сюсуном и Ли Циханем, Комиссия просвещения, возглавлявшаяся Ян Минчжаем и Бао Хуэйсэном. Комиссии просвещения в основном занималась отбором молодежи для учебы в Советской России⁷.

В 1921 г. Юй как представитель коммунистических организаций Китая приехал в Москву для участия сразу в двух конгрессах: III (Коммунистического) Интернационала и КИМ. Примечательно, что в автобиографиях Юй неоднократно указывал, что участвовал во II конгрессе Коминтерна. Многие исследователи вслед за ним повторили этот факт. На деле Юй Сюсун ошибался, поскольку II конгресс Коминтерна проходил не в 1921, а в 1920 г. Речь шла, безусловно, о III конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в июне—июле 1921 г. Юй оказался там вместо Ян Минчжая, задержавшегося в Иркутске⁸. Недавно опубликованный в Китае документ из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) окончательно решил этот вопрос⁹.

Из архивных материалов известно, что помимо коммунистических форумов в январе 1922 г. Юй принял участие в работе I съезда народов Дальнего Востока. Таким образом, все укладывается в указанные Юем временные рамки: летом 1921 г. — участие в конгрессах, затем 4 месяца учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и в январе — I съезд народов Дальнего Востока. Тогда же в 1922 г. случилось еще одно событие в жизни Юй Сюсуна: он был принят в РКП(б) и получил партбилет за номером 970331¹⁰.

После Съезда народов Дальнего Востока Юй вернулся на родину, работал в парторганизации и молодежных организациях. В мае 1922 г. его избрали членом ЦК Коммунистического союза молодежи Китая (КСМК). Это было интересное время в истории Китая — создание единого фронта КПК и Гоминьдана, когда обе партии объединились в национально-революционной борьбе. По решению ЦК КПК коммунисты вступали в ряды гоминьдановцев. В соответствии с этим решением в 1922 г. Юй не только стал членом Гоминьдана, но и начал занимать в нем заметные посты: в 1923 г. работал секретарем главного штаба кантонской армии, в 1924 г. был избран членом бюро губисполкома Гоминьдана в провинции Чжэцзян. Одновременно в 1925 г. Юй являлся членом обкома Компартии Китая в Шанхае, членом военной комиссии при ЦК КПК, редактором газеты и т.д.¹¹. За активность во время шанхайской демонстрации в 1924 г. Юя арестовала французская полиция. Проведя в участке 4 или 5 часов, он вышел на свободу¹².

Таким образом, к моменту второго приезда на учебу в СССР в ноябре 1925 г. по направлению ЦК КПК Юй Сюсун уже был достаточно известен в революционных кругах Китая и пользовался определенным авторитетом. Неудивительно, что в письме под грифом «совершенно секретно» Генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Дусю из Шанхая Московскому райкому КПК¹³ от 28 октября 1925 г. говорилось: «Посылаем для учебы в УТК [Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена] 24 члена ККП¹⁴, 67 членов ККСМ и 12 членов ККП и ККСМ. Всего — 103 человека... На время пути ЦК назначил

одним из руководителей Юй Сюсуна (секретарь временной комиссии)». Его же на время учебы назначили одним из руководителей студентов УТК¹⁵.

С такой рекомендацией вскоре после приезда в Москву в апреле 1926 г. Юй Сюсуна восстановили в членстве в ВКП(б). Причем учетная карточка члена партии заполнена на Юя как на студента КУТВ, поскольку он вступал в партию в 1922 г., будучи слушателем этого университета. В личном деле Юя имеется помета о том, что 26 марта 1927 г. Хамовнический райком ВКП(б) выдал ему партбилет № 0050492 на имя Нариманова Рубена Арсентьевича взамен партбилету № 970331 (1922)¹⁶. Псевдоним Нариманов Юй Сюсун получил в УТК. Псевдонимы присваивались всем китайским студентам не столько для адаптации к русскому уху, сколько из соображений конспирации. Хотя ни для кого из китайских студентов не было тайной, кто есть кто.

Известно, что открытие УТК им. Сунь Ятсена произошло на гребне волны национально-революционного движения 1925–1927 гг., в период альянса Гоминьдана и КПК. В созданных в СССР по инициативе ВКП(б) и Коминтерна коммунистических университетах готовили национальные кадры профессиональных революционеров для продвижения идеи мировой революции. В коммунистических учебных заведениях, кроме марксизма-ленинизма, партийного строительства, принципов агитационной работы, изучались теория и тактика вооруженного восстания на примере Октября 1917 г., своего рода политехнологии того времени.

По свидетельству китайских студентов, УТК представлял собою китайское политическое общество в миниатюре. Там обучались представители и Гоминьдана, и КПК, и всех других групп, фракций и уклонов, которые стремились сыграть свою роль в китайской революции. Китайские студенты участвовали во всех политических сражениях, которыми была отмечена эпоха. Вследствие довольно разношерстного состава УТК между студентами непрерывно шла борьба по политическим вопросам, наблюдалось постоянное соперничество за влияние на студенческие массы. В этом броуновском движении постоянно происходило объединение студентов в разные группы и их последующее разделение. Распределение по учебным классам зависело и от длительности пребывания в КПК. С учетом этого критерия был сформирован «теоретический класс», студенты которого являлись в основном членами партии со стажем и имели практический опыт подполья и революционной борьбы¹⁷. В него как раз и попал Нариманов.

Будучи довольно амбициозным человеком, Нариманов активно проявил себя во время учебы и действительно стал авторитетом среди студентов. В 1926–1927 гг. он являлся председателем студенческого общества, членом Исполнительного бюро ячейки Гоминьдана и членом бюро ячейки ВКП(б). Ему легче многих давался русский язык, поэтому в годы учебы Юй работал переводчиком в УТК с окладом в 30–50 руб. Соответственно он был ближе к администрации университета, состоял на хорошем счету в бюро ячейки ВКП(б)¹⁸. Соперником Нариманова в стремлении влиять на китайских студентов являлся Чэнь Шаоюй (И.А. Голубев), более известный по псевдониму Ван Мин. Он приехал на учебу в Москву за год до Юй Сюсуна и только в УТК вступил в КПК. Тем не менее ему удалось заручиться поддержкой проректора УТК П. Мифа¹⁹.

По воспоминаниям Мэн Циншу, жены Чэнь Шаоюя, Нариманов входил в так называемую восьмерку боссов (чэньдусюистов), состоящую из членов распушенной в конце 1926 г. «московской ячейки КПК». По словам Мэн Циншу, «это была оппозиционная организация в СССР... они провоцировали коммунистов и комсомольцев на взаимные нападки, взаимную подозрительность»²⁰. Следует отметить, что к моменту зачисления Нариманова в УТК т.н. московской ячейки КПК уже не существовало. Обвинения в чэньдусюизме здесь также притянута за уши задним числом, поскольку к весне 1927 г. Чэнь Дусю все еще являлся бессменным лидером Коммунистической партии Китая и ее первым генеральным секретарем. Лишь летом 1927 г. Чэнь Дусю был обвинен в неудачах коммунистов, его публично критиковали за оппортунизм и отстранили от должности²¹.

По мнению другого очевидца событий Шэн Чжунляна (Шэн Юэ, Мицкевич), все началось с противостояния в руководстве УТК между заведующим учебной частью Ш.И. Аголом и секретарем партийной организации Седниковым за пост ректора университета²². Эта борьба достигла кульминации на заключительной конференции семестра в конце июня 1927 г. Нариманов, Чжоу Дамин, Дун Исян (Орлинский) и другие поддерживали Ш.И. Агола и потерпели поражение. В итоге ректором стал вернувшийся из Китая П. Миф, соответственно в выигрыше оказался и Чэнь Шаоюй. Противники «восьмерки боссов» пользовались любой возможностью для продолжения нападков на чэньдусюистов, остававшихся в университете.

Представляется, что основным фактором, изменившим судьбу Нариманова, да и многих других студентов УТК, стала развернувшаяся в СССР внутрипартийная борьба против Л.Д. Троцкого. Ректор УТК К. Радек оказался на стороне троцкистов и был отстранен от должности. Многие студенты университета, симпатизировавшие Л.Д. Троцкому, одному из создателей советского государства, подверглись преследованиям. Кроме того, разрыв отношений между Гоминьданом и коммунистами в июле 1927 г. стал началом реорганизации и «зачистки» УТК от троцкистов и гоминьдановцев. Занималась этим комиссия представителей Восточного секретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ) и его Интернациональной контрольной комиссии (ИКК). Студентов-гоминьдановцев отправляли на родину. Некоторые из студентов, симпатизировавших Л.Д. Троцкому, отказались от своих взглядов, а часть — подверглись аресту ГПУ. Нариманов в 1927 г. вышел из Гоминьдана. Чэнь Шаоюй и его сторонники активно боролись против троцкистов и группы Юй Сюсуна, Дун Исяна и других. Одним из явных сторонников Л.Д. Троцкого был сын Чан Кайши Цзян Цзинго²³, с которым дружил Нариманов. Цзян Цзинго не был наказан за откровенную поддержку Л.Д. Троцкого, его отослали из УТК в Военно-политическую академию имени Н. Г. Толмачёва в Ленинград. Чэнь Шаоюй удалось вытеснить своих врагов из УТК. «Чугунов [Чжоу Давэнь], Нариманов, Орлинский не в состоянии были больше оставаться в КУТКе», — вспоминал он.

Нариманова и Чугунова после летних каникул райком партии направил в Международную ленинскую школу (МЛШ)²⁴, которую иногда называли Международными ленинскими курсами (МЛК), на учебу и работу. В связи с переводом Нариманова и Чугунова член ИКК Коминтерна и ЦКК ВКП(б), заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ В. Райт (В.И. Соловьев) 20 сентября 1927 г. в письме директору МЛШ К.И. Кирсановой сообщал: «В силу ряда внутренних причин от работы в УТК должны будут отойти два крупнейших китайских работника /т. Чугунов и Нариманов, выдвинувшиеся в Ун-те и на научной работе и как общественные деятели/. Правление Ун-та возбудило перед нами вопрос о командировании их в МЛК, чтобы они могли серьезно заняться научной подготовкой и затем вернуться в Китай для практической партийной работы...»²⁵. При переводе в МЛШ Нариманов числился переводчиком.

Казалось бы, неприятности Нариманова закончились, но одно событие фактически перевернуло его жизнь: в конце 1927 г. в УТК и МЛШ была обнаружена т.н. подпольная контрреволюционная организация студентов — «Цзянсу-Чжэцзянское землячество».

Архивные документы показывают, что «землячество» в УТК появилось как объединение выходцев из провинций Чжэцзян и Цзянсу, что вполне объяснимо. При наличии множества диалектов в Китае жители двух провинций, прилегающих к Шанхаю, оказавшись в чужой стране, по понятным причинам держались друг друга. У них были общие язык, традиции, кулинарные предпочтения и т.д. Во время учебы, как часто бывает в молодежных компаниях, эти земляки невольно крепче сдружились между собой, поддерживали друг друга, помогали материально. По окончании УТК родилась идея организовать своего рода кассу взаимопомощи для поддержки более нуждающихся курсантов. Тем более, что в УТК существовала традиция организации взаимной помощи. Одной из особенностей университетского бюджета были пособия, выдаваемые

нуждающимся студентам на содержание их семей в Китае. В знак солидарности студенты создали фонд взаимопомощи, каждый выделял некоторую сумму для этого фонда из своего месячного содержания. Причем УТК вкладывал больше, чем студенты²⁶. Именно «касса взаимопомощи» легла в основу обвинений Юй Сюсуна и других в создании «тайной организации».

С другой стороны, формально налицо были признаки существования неформальной организации с членскими взносами. Из Ленинграда в Москву, по сообщению одного из членов «братства», были присланы 3 суммы с пояснением: «Посылаю чл[енские] взносы в 40 руб.»²⁷, что не могло не насторожить ГПУ. Существование любой неформальной организации шло вразрез с правилами ВКП(б).

Разговоры о принадлежности к нелегальной организации «Цзянсу-Чжэцзянское землячество» П. Миф начал вести с Наримановым и Чугуновым еще с февраля 1927 г. Вероятно, разбирательство по делу так называемого землячества началось с подачи ГПУ. Именно ложно истолкованные письма послужили основанием для обвинения Нариманова. Как уже говорилось, Цзян Цзинго был переведен в Ленинград, но его переписка с «москвичами», в том числе с Наримановым, продолжалась. Понятно, что контакты с «троцкистом» Цзян Цзинго отслеживались ГПУ. Представляется, что именно перлюстрация этой переписки послужила сигналом к выяснению происхождения неформального объединения. Нариманов в письменном виде дал объяснения о возникновении «кассы взаимопомощи». Он настаивал, что это вовсе не политическая организация.

Вскоре о существовании «землячества» стало известно руководству ВКП(б). 27 февраля 1928 г. В. Райт уведомил Н.И. Бухарина, что «среди китайских студентов как московских, так и ленинградских ВУЗов якобы создано какое-то землячество или иное подобное объединение с весьма неясными пока что целями взаимопомощи. Члены этого землячества часто встречаются и переписываются между собой...»²⁸. Предполагалось поставить в известность И.В. Сталина.

Весной 1928 г. в УТК, получившем новое название после «чисток» — Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), в МЛШ и других организациях было устроено настоящее расследование по вопросу о так называемом Цзянсу-Чжэцзянском землячестве. 9 марта П. Миф вызвал Нариманова и Чугунова и предъявил им обвинения в фракционной работе и в связи с Чэнь Дусю и Тань Пиншанем²⁹. Таким образом, к прежним обвинениям прибавился «чэньдусюизм». Обвинения нарастали сами собой на пустом месте и не могли не сказаться на состоянии Нариманова. В марте 1928 г. при медосмотре в МЛШ ему поставили диагноз «неврастения» и по ходатайству К.И. Кирсановой через лечебную комиссию МК ВКП(б) направили на лечение в дом отдыха «Горки» на две недели в марте—апреле³⁰.

В апреле 1928 г. по предложению Чэнь Шаюя П. Миф убедил руководителя прибывшей в Москву для участия в IV конгрессе Профинтерна делегации КПК Сян Чжунфа выступить против «нелегальной» организации в университете и других училищах или вузах Москвы и Ленинграда, где учились китайские студенты. Сян, выступая в УТК как представитель ЦК, уже прямо утверждал наличие фракционной организации «Цзянсу-Чжэцзянское землячество» среди членов КПК в СССР³¹. Противники Юй Сюсуна не остановились на этом. 31 мая 1928 г. Восточным секретариатом ИККИ было послано в бюро ячейки ВКП(б) МЛШ письмо за подписью П. Мифа, Сян Чжунфа и члена Исполнительного бюро Профинтерна Су Чжаочжэна, в котором Юй Сюсун обвинялся в связи с т.н. Цзянсу-Чжэцзянским землячеством³². Для выяснения этого вопроса бюро ячейки ВКП(б) назначило специальную комиссию и 1 июля 1928 г. заслушало объяснения Нариманова по поводу письма Восточного секретариата ИККИ³³.

Нариманов повторил комиссии то, что неоднократно объяснял П. Мифу: «Я уже все сказал тов. Мифу, абсолютно в Москве нет фракционной организации. Это покорное вымышление!»³⁴ Это грязная выдумка. Я решительно против этого! Я признаю, что я и

Орлинский, Никитин и др. хорошие друзья, бывшие и настоящие...»³⁵. Относительно «землячества» Нариманов показал, что оно «возникло из товарищей, окончивших в прошлом году Суньятсеновский университет» и оставленных в СССР. Часть товарищей была послана в различные военные школы: военная академия в Москве, военно-политическая академия им. Толмачёва в Ленинграде, различные стрелковые школы. Эти выпускники УТК попали в совершенно различные материальные условия — одни получали стипендии в 150 р., другие — 3 р. Отсюда возникла необходимость, утверждал Нариманов, создания кассы взаимопомощи с регулярными членскими взносами. Эта организация не являлась какой бы то ни было политической фракцией³⁶.

По поводу «чэньдусюизма» Нариманов заявил: «...я с Чэнь Дусю имел хорошую связь. Я с ним с начала до конца имею хорошие отношения. Я против неправильной его линии, но он настоящий, типичный вождь ККП, такого вождя ККП очень трудно найти. Я решительно против того, чтобы специально и сознательно поднимать кого-либо на место вождя ККП. После снятия Чэнь Дусю в ККП никто не может быть вождем, только коллективное руководство (повторяет 3 раза). Но даже про Тан Пинсяна [Тан Пиншаня]. Он действительно имел заслуги в ККП, до сих пор он остается верным товарищем! А теперь УТК совершенно не имеет товарищеского отношения. Об «обществе взаимопомощи» некоторые тт. так говорили, но я их ругал и говорил, что этого делать нельзя. Но УТК и теперь так бузотерски подходит к этому вопросу... Это не дает человеку найти нового выхода (повторяет 2 раза)... Чэнь Дусю — хороший вождь, Чэнь Дусю ни в каком случае хороший!»³⁷. Нариманов считал, что в случае приезда Чэнь Дусю в Москву и признания своих ошибок в ИККИ его можно привлекать к работе. Все случившееся Нариманов объяснял общей нездоровой атмосферой в УТК, внутренними склоками после снятия К. Радека³⁸, когда за одно слово готовы каждого обвинить в контрреволюции. Нариманов не отрицал, что состоял в переписке с Елизаровым (оппозиционером), но убеждал его изучать ленинизм и признать свои ошибки: «Тогда к нему можно будет относиться как к товарищу, поскольку он — революционер»³⁹.

Итоговое собрание бюро ячейки ВКП(б) МЛШ не приняло конкретного решения. После VI съезда КПК Сян Чжунфа, избранный Генеральным секретарем, поручил Цюй Цюбо и другим членам Делегации КПК в ИККИ решить вопрос с «землячеством». В УТК приехал Чжоу Энлай, который, пообщавшись с студентами, пришел к выводу, что никакой контрреволюционной группы не было и нет. Тогда за это дело взялся Цюй Цюбо, сам уроженец Цзянсу. Цюй опросил десятки лиц предполагаемой организации, все подозреваемые отвергли выдвинутые против них обвинения. Цюй Цюбо доложил ЦК КПК, что доказательств существования подобной организации недостаточно, что согласие по определенным вопросам среди некоторых студентов, выходцев из провинций Чжэцзян—Цзянсу — не преступление, а вопрос политических разногласий, к которому надо относиться именно как к таковому⁴⁰. В итоге «дело о землячестве» было полностью закрыто, так как «никакого контрреволюционного китайского землячества не существовало». Аналогичным образом вопрос был рассмотрен в ЦКК ВКП(б). Партколлегия ЦКК 10 июля 1928 г. вынесла следующее решение: «ЦКК ВКП(б) не имеет данных для утверждения, что имела или имеется налицо какая-либо оформленная организация. ЦКК считает необоснованными обвинения товарищей в антипартийности и контрреволюционности. Признавая, однако, вред всяких группировок среди членов и кандидатов ВКП(б) среди китайских товарищей, ЦКК предложила ликвидировать немедленно подобные группировки»⁴¹.

Не удовлетворившись таким решением, П. Миф 25 июля 1928 г. обратился с письмом к секретарю Партколлегии ЦКК Е.М. Ярославскому, приложив выдержки из писем Нариманова и других, присланных из ГПУ в Восточный секретариат ИККИ. Именно в обращении П. Мифа появилось новое название «касс взаимопомощи» как «Ассоциации солидарности», что звучало серьезнее и не имело бытового характера.

На всякий случай П. Миф страховался: «Одновременно сообщаю, что в ИККИ до сих пор не принято окончательного решения по вопросу об Ассоциации солидарности и в настоящее время т. Пятницкий совместно с членами ЦК КитКП подготовляет конкретные предложения»⁴².

В связи с этим Е.М. Ярославский 3 и 7 августа 1928 г. дважды сделал запрос в МЛШ К.И. Кирсановой и в бюро ячейки ВКП(б) МЛШ: «Строго секретно. Срочно. Лично. ЦКК просит сообщить (сжато и кратко) 1. Что Вам известно по поводу т.н. “Ассоциации солидарности”; 2. Были ли Вы извещены о возможности существования такой организации на вверенных Вам курсах; 3. Известно ли Вам что-нибудь о принадлежности к этой Ассоциации Юй Сюсуна, Чэнь Дамина, Лю Жэньцзина, Пэн Цэсяна. Беседовали ли Вы с этими товарищами по поводу существующих в отношении их подозрений и какое Ваше мнение по этому вопросу... Как реагировало бюро ячейки МЛК на письмо Вост. Секретариата и кит. делегации от 31.05.1928 г. по поводу принадлежности т. Нариманова к организации “Ассоциация солидарности”?»⁴³

В ответ на запрос Е.М. Ярославского К.И. Кирсанова 10 августа 1928 г. сообщила: «Об Ассоциации солидарности мне и никому в Школе ничего не было известно до получения письма из Восточного Секретариата...». По мнению К.И. Кирсановой, Нариманов и Чугунов «зарекомендовали себя в Школе как выдержанные партийцы, способные студенты, которые могли бы играть руководящую роль в китайском коммунистическом движении»⁴⁴. В тот же день более подробно на запросы ЦКК ВКП(б) ответил секретарь бюро ячейки ВКП(б) МЛШ Вацлав⁴⁵: «Для выяснения связи члена бюро ячейки ВКП(б) Нариманова с нелегальной организацией т.н. «Чжэцзян-Цзянсуского землячества» бюро ячейки ВКП(б) МЛШ назначило комиссию в составе секретаря бюро ячейки т. Вацлава (председатель.), т. Михайлова⁴⁶ (член бюро), и т. Суницы⁴⁷. В силу отъезда студентов на летнюю практику комиссия допросила Нариманова и Чугунова. Поскольку дело разбирается в ЦКК, бюро ячейки считает целесообразным прекратить разбор этого дела силами ячейки и передать в ЦКК весь материал...»⁴⁸. Сообщалось, что материалы расследования по вопросу об «Ассоциации солидарности» (кассы взаимопомощи), как и та часть, которая послужила для обвинения Нариманова как организатора этой антипартийной организации, находилась в Контрразведывательном отделе (КРО) ГПУ у И.Ф. Тубала и Я.Д. Кренгауза. В итоге в 1928 г. четыре студента были арестованы, а из партии и комсомола было исключено двенадцать человек. Нариманову удалось оправдаться.

Ему не перестали доверять: Малая китайская комиссия при Дальневосточной секции Восточного секретариата ИККИ поручила Нариманову, Чугунову, Голубеву и др. написать статьи для сборника статей, критикующие платформу Тан Пиншаня и земельные проекты нанкинского правительства⁴⁹.

Вслед за высылкой из страны Л.Д. Троцкого и XVI партконференции, предписавшей провести «чистку» внутри партии, по стране прокатилась волна репрессий. Резолюция относительно грядущих проверок появились 1 мая 1929 г. в номере «Правды». Летом Нариманов находился на работе в Курской организации ВКП(б) для ознакомления с положением деревни и состоянием общественно-хозяйственной работы. Заведующий Организационным отделом Курского окружного комитета ВКП(б) И.И. Бадеев отозвался о Нариманове как о человеке «добросовестном, умеющим ориентироваться в новой обстановке и простым в обращении»⁵⁰. А в осеннем семестре 1929 г. в МЛШ нагрянули уполномоченные по чистке от ЦКК ВКП(б). Прошла череда собраний, на которых каждый из списка китайских студентов Школы, на кого имелись компрометирующие сведения, должен был доказать свою невиновность. Против Нариманова вновь выдвигались обвинения в организации антипартийной организации, сочувствии Чэнь Дусю и троцкистам. Положение усугубилось тем, что Чэнь Дусю и Пэн Шучжи, поддержавшие левую оппозицию в ВКП(б), 15 ноября 1929 г. были официально исключены из КПК.

В выписке проверяющей МЛШ комиссии за 3 января 1930 г. указывалось, что «Нариманов — не имел уклонов. Был членом Ассоциации солидарности, но перед парт-органами отрицал наличие этой группировки»⁵¹. Однако во время партийной чистки, имевшей место весной 1930 г. в КУТК, троцкистами было выдвинуто обвинение в том, что члены «землячества» скрыли от ЦКК ВКП(б) связь с троцкистами, и что после распада «землячества» из его участников образованы две новые правые организации⁵². Выступая на собрании партийной чистки, Юй Сюсун дал следующие разъяснения по представленным ему обвинениям: «...я боролся в КУТКе против троцкистской группы, когда многие товарищи колебались, из-за этого отношения с товарищами создались плохие. Они называли меня контрреволюционером без всякого на то основания. Наше землячество считали контрреволюционной организацией. ЦКК вынесла решение по этому вопросу, с которым я согласен. Ложные, безосновательные обвинения, которые существуют, я отвергаю»⁵³. Комиссия по «чистке» ввиду новых обстоятельств, выдвинутых против землячества, постановила передать вопрос о Юй Сюсуне на разрешение в ИКК. Нариманов посчитал себя оклеветанным и буквально на следующий день после обсуждения итогов «чистки» партячейки 13 февраля 1930 г. написал заявление в Апелляционную комиссию ИКК ИККИ, в который раз объясняя все пункты⁵⁴. Ссылаясь на результат длительного всестороннего расследования, произведенного ИКК в 1928 г., Нариманов подтвердил то, что утверждал с самого начала: обвинение является сплетней и клеветой, систематически запускаемой за последние годы с целью затравить его и других. Новые обвинения, утверждал Нариманов, ничем не обоснованы, и надо осудить такого рода метод дискредитации, наносящий вред партии⁵⁵.

Вопрос по делу Нариманова заслушивался на заседании Апелляционной комиссии ИКК ИККИ и ЦКК ВКП(б) 22 мая 1930 г. В личном деле Нариманова сохранилась выписка из протокола № 25 о принятом постановлении за подписью секретаря З.И. Ангартиса: «Нариманова считать проверенным»⁵⁶.

На какое-то время разбирательства прекратились, все обвинения с Нариманова были сняты. В это время он оставался членом бюро ячейки ВКП(б) МЛШ и членом руководящих органов других общественных организаций⁵⁷. В 1930 г. Нариманов окончил МЛШ и был оставлен в ней аспирантом, инструктором китайского сектора и одновременно преподавателем (доцентом) истории ВКП(б) и ленинизма в китайской группе с окладом в 225–250 руб. В ноябре 1930 г. коллегия Восточного Секретариата ИККИ поручила Нариманову, Чугунову, Орлинскому и др. переводы на китайский язык шеститомника В.И. Ленина⁵⁸.

Зимой 1931 г. после 4-го пленума ЦК КПК случился еще один конфликт между Чэнь Шаоюем и Юй Сюсуном по поводу линии Ли Лисаня. Нариманов и Чугунов публично осудили реорганизацию руководящих органов КПК, в результате которой к власти в КПК пришел Чэнь Шаоюй⁵⁹. В октябре того же года в качестве руководителя Делегации КПК при Коминтерне Ван Мин (новый псевдоним Чэнь Шаоюя) был избран членом Бюро ИККИ. Положение Нариманова в МЛШ стало напряженным еще и потому, что сотрудник представительства КПК при ИККИ, преподаватель МЛШ А.Г. Крымов (наст. имя Го Шаотан), начал настраивать против него студентов китайской группы. Об этом в конце 1931 г. Нариманов сообщил в бюро ячейки МЛШ⁶⁰. А в это же время в Китае, по сообщениям Дальбюро ИККИ из Шанхая, была «страшная нужда в людях». Дальбюро настаивало на направлении в Китай «Мицкевича, Чугунова, Нариманова и всех, кого возможно»⁶¹.

В конце 1931 — начале 1932 г. в связи с изменениями в политике Москвы, связанными с началом открытой японской агрессии в Китае (захват Маньчжурии в сентябре 1931 г.), в китайской группе МЛШ разгорелась новая борьба между Ван Мином, с одной стороны, Чугуновым и его компанией — с другой. Во время этой борьбы Чугунов, Нариманов и др. обвинялись в недопустимом, пренебрежительном отношении к важнейшим

решениям ЦК КП Китая и ИККИ по китайскому вопросу, в неправильном руководстве работой китайской группы МЛШ и борьбой против линии КП Китая на национально-революционную войну против Японии и т.д. Выяснению обстоятельств конфликта в китайском секторе МЛШ Политкомиссия Политсекретариата ИККИ посвятила заседание 9 мая 1932 г. Политкомиссия констатировала, что «т.т. Чугунов, Нариманов, Орлинский и некоторые другие товарищи в дискуссиях в МЛШ по китайским вопросам должным образом не поддерживали правильную линию ЦК КПК». С другой стороны, Политкомиссия признала, что «отдельные ошибки и неправильные формулировки не дают основания для обвинений в троцкистско-чэньдусюистской контрабанде», что в отдельных политических вопросах дискуссии не было и нет принципиальных разногласий. Политкомиссия поручила правлению МЛШ принять все необходимые меры для обеспечения полного прекращения беспринципных споров в китайском секторе и обязать всех китайских товарищей в МЛШ и других институтах безоговорочно поддержать КПК в борьбе за независимость Китая и за советскую революцию⁶².

До осени 1932 г. Нариманов продолжал работать в МЛШ. В автобиографии 15 октября 1932 г. он, характеризуя свою партийно-политическую деятельность за все время пребывания в рядах партии, писал: «Начиная с периода создания КП Китая до сегодняшнего дня у меня не было политической ошибки. Я всегда активно проводил партийную линию и активно боролся против всех и всяких уклонов и колебаний как в рядах КП Китая, так и в рядах ВКП(б)... Я активно защищал и защищаю линию Коминтерна против тех оппортунистов и ренегатов, которые имелись в КП Китая»⁶³. Эти объяснения никак не устраивали Ван Мина, который был избран в руководящие органы Коминтерна, приобрел международную известность. Под его нажимом первым из состава МЛШ был выведен Чугунов, а в июне 1932 г. его направили в г. Хабаровск на должность главного редактора хабаровской краевой профсоюзной газеты «Гунжэньжи лу» («Рабочий путь»)⁶⁴. Вскоре 29 октября 1932 г. Нариманов был отстранен от работы в МЛШ. В начале 1933 г. решением ЦК ВКП(б) он был направлен на работу в г. Хабаровск в ту же газету «Рабочий путь» заместителем главного редактора газеты Чжоу Давэня. Направление на работу не в Китай, для которой готовили Чугунова и Нариманова, а на Дальний Восток само по себе говорило о глубинном недоверии со стороны руководителей Коминтерна и ЦК КПК.

Казалось бы, что после выдворения Нариманова из Москвы поводов для его преследования не осталось, однако на новом месте его продолжали критиковать. Одной из причин для подозрения Нариманова явилось его оставление в СССР, а не отправка в Китай⁶⁵. Кроме того, в 1930-х годах на территории Сибири и Дальнего Востока начались политические репрессии в отношении китайцев, высланных из Европейской части СССР. Очередные обвинения были предъявлены Нариманову на заседании комиссии по «чистке», проходившей в типографии. Причем Нариманов обвинялся людьми, с которыми он даже не работал — Замковым, Черниковым и Любиным. Ему ставилось в вину сокрытие прошлых серьезных политических ошибок, отсутствие борьбы с правыми и троцкистами, с двурушничеством, организацию «Чжэцзян-Цзянсуского землячества» и пр.⁶⁶. Тот факт, что критиковали Нариманова посторонние люди, свидетельствует о том, что компрометирующие его материалы и инициатива пришли из Москвы.

5 октября 1933 г. Нариманов из Хабаровска написал письмо сразу в несколько инстанций: в Комиссию по чистке партиячейки при типографии «Партиздат» Зарину (наст. имя — Ф.В. Ленгник), в Краевую комиссию по чистке Н.М. Анцеловичу, в ЦКК ВКП(б) Е.М. Ярославскому, в ИКК ИККИ З.И. Ангартису. Нариманов вновь ссылался на решения многочисленных комиссий в Москве о том, что все обвинения с него сняты. Впервые в своих объяснениях Нариманов упоминает свое участие в создании КПК. Ранее он не указывал на это обстоятельство из-за соображений конспирации. Относительно приезда на Дальний Восток, а не на родину для революционной работы Нариманов заме-

тил, что таково было распоряжение Коминтерна. Нариманов просил принять меры и положить конец преследованию⁶⁷. В архивных материалах не удалось обнаружить ни одного ответа на это письмо, но, что Нариманов продолжил свою работу в Хабаровске, положительные ответы были получены.

Летом 1935 г. судьба Нариманова резко изменилась. По просьбе дубаня Синьцзяна Шэн Шицай он в числе 25 коммунистов, получивших образование в СССР, был командирован ЦК КПК на работу в Синьцзян. Шэн Шицай, захвативший власть в Синьцзяне понимал, что без помощи СССР ему не установить полный контроль над Синьцзяном. Поэтому он начал заигрывать с Москвой, выказал желание вступить в компартию и служить делу коммунизма. Шэн Шицай просил направить в Синьцзян способные кадры для проведения политики единого антиимпериалистического фронта, выдвинутого Коминтерном. Советский Союз пошел навстречу пожеланиям дубаня из прагматических соображений. Присланные коммунисты заняли ряд ключевых постов в Синьцзяне.

Юй Сюсун возглавил секретариат Синьцзянского отделения Демократической антиимпериалистической лиги, а также стал главным редактором ее ежемесячника «Фаньди чжаньсянь» («Антиимпериалистический фронт»). В Синьцзяне он взял новый псевдоним — Ван Шоучэн.

Этот короткий период жизни и деятельности Юй Сюсуна достаточно исследован в китайской историографии: в Синьцзяне он вполне успешно работал в качестве генерального секретаря Антиимпериалистической лиги Синьцзяна, много сделал для стабилизации обстановки в регионе, основываясь на правильном решении национальных проблем. Он разработал задачи Лиги, призывая народ Синьцзяна поддерживать мир и противостоять японскому империализму. В Синьцзяне произошли изменения в личной жизни Юй Сюсуна: 28 июля 1936 г. он женился на младшей сестре Шэн Шицай Шэн Шитун (Ан Чжицзе). И.В. Сталин всячески приветствовал сближение отношений с дубанем. Через советского консула в Синьцзяне он передал в подарок молодоженам коробку одежды⁶⁸, а на годовщину свадьбы — фотоаппарат.

Тем временем волна массовых политических репрессий захлестнула Советский Союз, затронув китайскую общину Сибири. Фактически почти все китайцы в Сибири оказались в числе репрессированных. Многие из них подвергались репрессиям повторно, но наказание было гораздо суровее. Репрессии коснулись как советской «китайской элиты», так и неграмотных рабочих. В 1937 г. был арестован и на следующий год расстрелян редактор китайской газеты «Рабочий путь» Чжоу Давэнь.

В ноябре 1937 г. по дороге в Яньань в Синьцзяне ненадолго остановились Ван Мин и Кан Шэн с супругами и представитель Коминтерна и ЦК КПК в Синьцзяне Чэнь Юнь. Встретив там своих соперников по борьбе в УТК/МЛШ, они сообщили дубаню, что в Синьцзяне действуют враждебные СССР контрреволюционные троцкистские элементы. Поскольку прибывшие в Синьцзян китайские коммунисты работали под новыми псевдонимами, дубань распорядился принести на опознание фотографии присланных кадровых работников КПК. Ван Мин и Кан Шэн отобрали 24 фотографии их бывших оппонентов⁶⁹, указав на Юй Сюсуна как на лидера троцкистов. Дубань отдал приказ на арест подозреваемых, а в мае 1938 г. их переправили в Советский Союз и передали в НКВД. Какое-то время следствие по делу Юй Сюсуна велось на территории местных органов госбезопасности, а затем он был доставлен в Москву. На суде, который состоялся 21 февраля 1939 г. в Москве, Юй Сюсун был обвинен в причастности к т.н. правотроцкистскому контрреволюционному блоку и приговорен к смертной казни. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Юй Сюсуна захоронили в общей могиле на Донском кладбище. Таким трагическим образом оборвалась жизнь одного из первых революционеров Китая, участника создания КПК, разделившего судьбу многих советских людей.

Примечательно одно обстоятельство: в архивных материалах личного дела Юй Сюсуна нашли отражение этапы расследования и розыск родственниками хоть каких-ни-

будь сведений о его судьбе. Прежде всего, это запросы от органов следствия Советского Союза. В 1937 г. начальник 11-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР Л.М. Полячек в связи с расследованием дела Чжоу Давэня направил запрос в МЛШ с просьбой сообщить, действительно ли Юй Сюсун был членом антипартийной организации «Цзянсу-Чжэцзянское землячество»? Судя по ответу преподавателя МЛШ Г. Белова (наст. имя Г. Дамянов), сведений о Юй Сюсуне после 1933 г. в МЛШ не имели⁷⁰.

Жена Юй Сюсуна Шэн Шитун после ареста мужа изменила свое имя на Ань Чжицзе, чтобы отделить себя от Шэн Шицая. На протяжении всей жизни она пыталась выяснить судьбу своего мужа. Ей было известно только, что «по сведениям, полученным от представителя Компартии Китая Кан Шэна, Нариманов принадлежал к антипартийной группе Чугунова, Орлинского и др. ныне арестованным органами НКВД...»⁷¹. Но она не оставляла попыток найти мужа. Очередной запрос пришел в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (РГАСПИ) в ноябре 1942 г. Справку о Юй Сюсуне составил сотрудник Отдела кадров ИККИ И.П. Плышевский⁷². В нем сообщалось, что пребывание Юй Сюсуна неизвестно и сведений о его дальнейшей деятельности в Отдел кадров не поступало. Но указывалось, что 19 января 1940 г. партбилет Юй Сюсуна погашен отделом УК ЦК ВКП(б) «как на арестованного и осужденного органами НКВД»⁷³.

Не имея никаких сведений о Юй Сюсуне, китайское правительство после 1949 г. решило выяснить его судьбу, но сведений из СССР получить не удалось. В 1950-е годы китайские мигранты были в числе первых освобожденных из мест заключения. 3 августа 1957 г. стало известно, что Юй Сюсун расстрелян в 1939 г., а решением Верховного суда СССР был реабилитирован. В 1962 г., воздавая должное Юй Сюсуну, Мао Цзэдун подписал подготовленное Шанхайским бюро ЦК КПК свидетельство о признании Юй Сюсуна павшим героем.

Несмотря на полученные сведения, Ань Чжицзе хотела выяснить подробности ареста и следствия по делу мужа и вернуть прах Юй Сюсуна на родину. В связи с улучшением китайско-российских отношений Ань Чжицзе в 1991 г. через Генеральное консульство Советского Союза в Шанхае обратилась с просьбой к советскому правительству выяснить правду о Юй Сюсуне⁷⁴. Это нашло отражение в личном деле: в 1991 г. сотрудник КГБ СССР Н.Т. Кузьменков оставил свою подпись в листе использования архивного дела. 29 октября того же года Ань Чжицзе получила подробный ответ из консульства, а 29 августа 1996 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации официально восстановила репутацию Юй Сюсуна, признав его полную невиновность.

1. «Еженедельный обзор» и «Новая молодежь», «Молодежный Китай» и другие периодические издания стали основными средствами распространения идей марксизма.
2. Сталелитейный завод Хоушен в Шанхайском районе Хункоу.
3. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 10, 66.
4. *Ishikawa Y.* The Formation of the Chinese Communist Party. / transl. by J.A. Fogel. N.Y.: Columbia University Press, 2012. P. XII.
5. В 1924 г. Социалистический союз молодежи был переименован в Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК).
6. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 66.
7. *Цзу Лаожэнь (Бао Хуэйсэнь)*. До и после образования Коммунистической партии Китая // Рабочий класс и современный мир. 1971, № 2.
8. См.: *Ishikawa Y.* Op. cit. P. XII.
9. Чжунгун шоусы лянсян гоцзи чжэнцэ утай. Данъань цзыляо цзи: [Первые шаги КПК на международной политической арене]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ. 2016. С. 174.

10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 1. В соответствии с принципом пролетарского интернационализма коммунист любой национальной партии считался членом компартии той страны, в которой находился.
11. Там же. Л. 10 об.
12. Там же.
13. Московский райком КПК — секция Компартии Китая, существовавшая в 1921–1926 гг. в виде исключения из-за незнания китайцами русского языка и отсутствия достаточного количества переводчиков для участия в общепартийных дискуссиях российской партии.
14. Китайская коммунистическая партия (ККП) — аббревиатура, принятая в СССР в первые годы существования КПК.
15. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. М.: АО «Буклет», 1994. С. 654.
16. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 1.
17. Шэн Юэ. Университет им. Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / пер. с англ. Л.И. Головачевой и В.Ц. Головачева. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2009. С. 23, 85.
18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 72.
19. Миф П.А. (наст. имя Фортус М.А.) — с 1925 г. проректор, в 1927–1929 гг. ректор УТК/КУТК.
20. Мэн Циншу. Чэнь Шаоюй — Ван Мин. Биография. Воспоминания. М.: БФ «Онтопсихология», 2011. С. 66–67.
21. Шэн Юэ. Указ. соч. С. 147.
22. Там же. С. 224–225.
23. Там же. С. 148, 196–197.
24. МЛШ была создана специально для обучения «среднего и высшего кадрового состава» коммунистических партий, в том числе и КПК, и для аппарата Коминтерна, по инициативе которого она и возникла. Просуществовала с 1926 по 1938 г.
25. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 44.
26. Шэн Юэ. Указ. соч. С. 67.
27. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 34.
28. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931. В 2 ч. Ч. 1. М.: АО «Буклет». 1999. С. 326.
29. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 33.
30. Там же. Л. 54–55.
31. Шэн Юэ. Указ. соч. С. 229.
32. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 51–51 об.
33. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 27–28, 33–34.
34. Так в тексте.
35. Там же. Л. 24.
36. Там же. Л. 10.
37. Так в тексте. Там же. Л. 24.
38. Там же. Л. 28.
39. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 27.
40. Шэн Юэ. Указ. соч. С. 230–31.
41. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 10 об.
42. Там же. Л. 20.
43. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 21–24.
44. Там же. Л. 41.
45. Возможно, Богущкий В., псевдоним — Вацек.
46. Возможно, Б.Д. Михайлов, псевдоним — Вильямс, либо Сяо Чанбинь (Н.М. Михайлов).
47. Суница Л.Б. — член правления, преподаватель МЛШ.
48. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 25.
49. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. I. С. 532–533.
50. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 53.
51. Там же. Л. 2.
52. Там же. Л. 11.
53. Там же.
54. Там же. Л. 7, 7а, 8.

-
55. Там же. Л. 3.
 56. Там же. Л. 9, 43.
 57. Там же. Л. 10.
 58. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.III. Ч.2. С. 1107.
 59. *Панцов А.В.* Мао Цзэдун: Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 452–453;
URL: http://hbds.cnhubei.com/jcfb/yifc/201608/t20160825_107565_2.shtml (дата обращения: 02.05.2019).
 60. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 38.
 61. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т.III. Ч.2. С. 1324.
 62. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т.IV: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2 ч. Ч.1. М.: РОССПЭН, 2003. С. 150–151.
 63. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 10 об.
 64. Газета «Рабочий путь» издавалась на китайском языке для образования и вовлечения китайских рабочих, проживавших на Дальнем Востоке, в общественно-политическую жизнь.
 65. Там же. Л. 5.
 66. Там же. Л. 4.
 67. Там же. Л. 4–6.
 68. URL: <http://www.ccphistory.org.cn/node2/shds/n89/n1048/u1ai15072.html> (дата обращения: 02.05.2019).
 69. *Панцов А.В.* Указ. соч. С. 451–454.
 70. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 3001. Л. 14–15, 17.
 71. Там же. Л. 14–16.
 72. Там же. Л. 10.
 73. Там же. Л. 1.
 74. URL: http://hbds.cnhubei.com/jcfb/yifc/201608/t20160825_107565_4.shtml (дата обращения: 04.05.2019).